

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ (на примере Бурятии, Саха (Якутии) и Тувы)

Виктория М. Очирова

Бурятский государственный
университет

При изучении российских политических элит многие исследователи уделяют незначительное внимание вопросу социального происхождения, его влияния на кадровые вопросы в органах власти. Данная тема рассматривается в настоящей статье. Раскрывая социально-демографические характеристики политических элит полиэтнических регионов России, основные тенденции их эволюции, автор выделяет в качестве параметра анализа индикатор социального происхождения и приводит данные о его влиянии на процесс формирования элиты и функционирование представителей изучаемой социальной группы. В качестве материала для анализа выступили результаты авторского комплексного исследования политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тувы (2004–2010 гг.).

В советское время у представителей политических элит, в силу идеологических особенностей существовавшей кадровой политики, наблюдалось преимущественно рабоче-крестьянское социальное происхождение. В постсоветский период исследователи фиксировали изменения — доля выходцев из семей рабочих и крестьян среди представителей элиты существенно снизилась. Современные поли-

SOCIAL BACKGROUND AS A TOOL IN SHAPING THE POLITICAL ELITE IN RUSSIA'S MULTI-ETHNIC REGIONS: the cases of Buryatia, Sakha (Yakutia) and Tuva

Victoria M. Ochirova

Buryat State University

While studying political elites in Russia, many researchers pay little attention to the issue of social background and the impact it has on employment in institutions of power on various levels. This article aims to shed light on this issue.

By examining the social demographics of political elites in Russia's multi-ethnic regions and major trends in their evolution, we argue that social background can be accepted as the key indicator for such analysis. We provide extensive data on how it influences the process of shaping the elites and the work of those who belong to this social group. Our study is based on comprehensive empirical research of political elites we conducted in Buryatia, Sakha (Yakutia) and Tuva in 2004-2010.

During the Soviet period, the political elites, due

Очирова Виктория Мункоевна — кандидат политических наук, докторант кафедры философии Бурятского государственного университета. Адрес: 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а. Эл. адрес: ochirova.v@yandex.ru

Ochirova Victoria Munkoevna, Candidate of Politology, Doctoral researcher, Department of philosophy, Buryat State University, Postal address: 24a Smolin St., Ulan-Ude, Russian Federation 670000. E-mail: ochirova.v@yandex.ru

тические элиты республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва в большинстве своем являются выходцами из среды интеллигенции, служащих и по месту рождения тесно связаны со своими регионами. При этом подавляющая часть представителей республиканских элит родились в селе или деревне.

Для современной системы подбора кадров в органы власти и процесса продвижения по карьерной лестнице, впрочем, как и для советской, характерно применение неформальных механизмов: решающую роль играют социальное происхождение, родство, территориальная общность, отношения личной преданности, покровительства и другие факторы. На данный момент указывают и результаты анкетного опроса представителей политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. Исследование автора показало, что на продвижение по службе в республиках большое влияние оказывают такие факторы, как опыт совместной работы с первыми лицами регионов, личная преданность, покровительство, родственные или земляческие связи.

Ключевые слова: политическая элита; полиэтничные регионы; социальное происхождение; Бурятия; Якутия; Тува; личная преданность; земляческие связи

Введение

Интерес к российским политическим элитам, отчетливо проявившийся в постсоветский период, вызвал множество публикаций, посвященных всестороннему изучению федеральных и региональных элит. Наряду с проблемами функционирования представителей данной социальной группы, особенностями их ценностных ориентаций и прочими аспектами, подробному изучению подвергся и социальный портрет политических элит. Однако при его рассмотрении многие исследователи уделяют незначительное внимание вопросу социального происхождения, его влияния на процесс формирования политических элит. Между тем, данный признак, характеризующий связь индивида с той или иной социальной группой, является одним из важных, так как он, на наш взгляд, оказывает существенное влияние на дальнейшее развитие, становление и поведение личности, а значит, требует большего внимания к себе и, соответственно, более широкого освещения в литературе.

В данной связи автор статьи при изучении социально-демографических характеристик политических элит полиэтничных регионов России, с целью выявления основных тенденций их эволюции в постсоветский период, в качестве параметра анализа выделил индикатор социального происхождения, наряду с полом, возрастом, образованием, этнической принадлежностью и другими.

to the ideology of the cadre policy, were primarily of proletarian or peasant background. In the post-Soviet period, as attested by numerous researchers, the share of people with such backgrounds has significantly decreased. The current elites of Buryatia, Sakha (Yakutia) and Tuva are largely the descendants of intelligentsia and civil servants and are closely linked by birth to their regions. A large part of these elites were born in the countryside.

The current system of recruitment and promotion of government officials, like the Soviet one, places crucial emphasis on informal selection mechanisms, including such factors as social background, kinship, territorial community, personal loyalty, patronage, etc. This is also indicated by the survey of the members of political elites of the three regions. Our study has shown that career promotion is heavily influenced by the experience of working side-by-side with the region's 'first persons', personal loyalty, patronage, kinship or 'homeboy' networks.

Keywords: political elites; multiethnic regions; social background; Buryatia; Sakha (Yakutia); Tuva; personal loyalty; 'homeboy' network

Комплексное исследование региональных политических элит осуществлено автором в период с 2004 по 2010 гг. В это время были проведены два анкетных опроса: в 2004 г. опрошено 195 представителей политической элиты Республики Бурятия, для анализа отобрано 176 анкет (Очирова, Крянев, 2009); в 2009–2010 гг. опрошено 618 человек, представляющих исполнительные, законодательные / представительные и муниципальные органы власти республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, для анализа отобрано 576 анкет (Очирова, 2013).

В настоящей статье мы остановимся на некоторых итогах данного исследования в рамках обозначенной темы.

Социальное происхождение

Рассмотрение изучаемого вопроса стоит начать с советского периода, что позволит определить направление постсоветских изменений. И здесь мы можем констатировать, что в советское время у представителей политических элит, в силу идеологических особенностей существовавшей кадровой политики, наблюдалось преимущественно рабоче-крестьянское социальное происхождение.

Данный факт можно отследить на примере состава депутатов Верховного Совета Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики (БМАССР) I созыва (см. таб. 1, составленную на основе материалов Национального архива Республики Бурятия (Очирова, Крянев, Ларионов, 2009: 34)).

Таблица 1. Состав депутатов Верховного Совета БМАССР I созыва (1938 г.) по социально-политическим показателям

Table 1. Social and political statistics on the members of the 1st Supreme Soviet of the Buryat-Mongol ASSR (1938)

Всего	По партийности		По образованию			По происхождению			По социальному положению		
	члены, кандидаты в члены ВКП(б)	беспартийные	н/высшее и высшее	н/среднее и среднее	низшее	из рабочих	из служащих	из крестьян	рабочие	служащие	колхозники
89 чел.	67	22	16	15	58	15	2	72	4	53	32
100%	75,3	24,7	17,5	15,5	67	17	2	81	4,5	59,5	36

В постсоветский период исследователи фиксировали изменения в социальном происхождении представителей изучаемой группы. Так, Д. Лэйн, сравнив элиту, окружавшую Б. Н. Ельцина и М. С. Горбачева, отметил, что «у 51 человека из окружения Ельцина и 62 из Горбачева отцы были из рядов занятых нефизическим трудом, соответственно 22 и 25 — сыновья рабочих, а 12 и 11 — из кре-

стьян, колхозников. Что касается матерей, то у 61 человека (при Ельцине) и 56 (при Горбачеве) они также занимались нефизическим трудом, соответственно у 16 и 34 матери — домохозяйки, у 10 и 14 — крестьянки, и только у 13 и 11 матери имеют “рабочие корни» (Лэйн, 1996: 31). Тем самым, доля выходцев из семей рабочих и крестьян среди представителей элиты в постсоветский период существенно снизилась.

Данный факт остается неизменным и сейчас. По результатам нашего анкетного опроса 2009–2010 гг. в республиках Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва распределение политических элит по социальному происхождению довольно сбалансированное (см. таб. 2).

Таблица 2 Распределение политических элит по социальному происхождению, в %

Table 2. Political elites by social background, %

Социальное происхождение	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
из среды рабочих, крестьян	22,8	33,9	37,2	33,3	26,5	38,9	28,9	37,8	29,4	31,4	32,5	32,2
из среды интеллигенции, служащих	48,6	28,6	30,8	49	39,7	37,9	36,9	35,8	29,4	36,3	43,3	34,8
смешанное	28,6	37,5	32	17,7	33,8	23,2	34,2	26,4	41,2	32,3	24,2	33

Как следует из таблицы 2, численность представителей элит из среды рабочих и крестьян, интеллигенции и служащих, а также смешанных семей в достаточной степени равномерна. Однако, небольшой перевес все же наблюдается у выходцев из среды интеллигенции и служащих: в Бурятии их доля составляет 36,3% от общего массива опрошенных, в Саха (Якутии) — 43,3%, в Туве — 34,8%. Заметим, что в Республике Бурятия ситуация фактически не изменилась. По результатам нашего анкетного опроса 2004 г. 38,6% политической элиты Бурятии были выходцами из среды интеллигенции, служащих; 29,5% — из среды рабочих и крестьян; у 31,9% — смешанное социальное происхождение.

Анализ биографических справок представителей республиканских политических элит, проведенный автором в 2009–2010 гг., показал, что по индикатору места рождения в их составе преобладают выходцы из села и деревни: в Бурятии они составляют 49,5% от общего массива группы, в Якутии — 43,3%, в Туве — 52,3% (см. таб. 3).

Таблица 3. Распределение политических элит по месту рождения, в %

Table 3. The distribution of political elites by place of birth, %

Место рождения	Бурятия			Саха (Якутия)			Тува			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
город	37,2	39,3	41,1	33,3	26,5	38,9	37,7	24,5	38,8	39,2	32,5	32,3
село, деревня	40	55,3	53,8	50	39,7	38,9	50,1	63,2	43,2	49,5	43,3	52,3
поселок	22,8	5,4	5,1	16,7	33,8	22,2	12,2	12,3	18	11,3	24,2	15,4

Аналогичная тенденция наблюдается и в региональных парламентах. В Великом Хурале Республики Тыва II созыва 61,2% депутатов родились в селе либо деревне, 14,6% — в поселке, 24,2% — в городе. Около 90% всех представителей республиканской политической элиты являются уроженцами Тывы.

Среди депутатов Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) IV созыва 40% родились в селе или деревне, 34,3% — в поселке, 25,7% — в городе. Уроженцами Якутии являются около 80% представителей республи-

канской политической элиты, в исполнительной элите их порядка 75%. Отметим, что в 1992 г. большинство в парламенте Якутии также составляли выходцы из села — 64%, из города было 27%, из рабочих поселков — 9%. При этом 73% депутатов родились в Якутии (Тарасов, 1996: 18).

В составе Народного Хурала Республики Бурятия IV созыва 46% депутатов родились в селе или деревне, 36,1% — в городе, 17,9% — в поселке. Уроженцами Бурятии являются порядка 80–85% представителей республиканской политической элиты, чуть меньше их в составе исполнительной элиты — около 70–75%.

Итак, современные политические элиты республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва в большинстве своем являются выходцами из среды интеллигенции, служащих и по месту рождения тесно связаны со своими регионами. При этом подавляющая часть представителей республиканских элит родились в селе или деревне, что входит в некоторое противоречие с общероссийской тенденцией, характеризующейся снижением числа данных лиц в изучаемой социальной группе (см. таб. 4).

Таблица 4. Доля выходцев из села в элите, в % к численности группы по столбцу

Table 4. People with rural background among the elites, % of the total

	Высшее руководство	Правительство	Региональная элита	В целом
Брежневская когорта	57,7	45,6	66,7	57,3
Горбачевская когорта	48,6	Нет информ.	65,6	54,6
Ельцинская когорта	12,5	22,9	33,8	22,8

(Крыштановская, 1995: 62).

По данным О. В. Крыштановской, представленным в таблице 4, в постсоветский период отмечается резкое снижение доли выходцев из села в составе различных групп элиты, в том числе и региональной. Очевидно, в национальных республиках ситуация несколько иная, чем в целом по России, что доказывается результатами нашего исследования и эмпирическими материалами других авторов.

Например, М. Х. Фарукшин отмечал, что в 1994 г. руководство Татарстана в большинстве своем было представлено выходцами из деревень: «74,7% его состава родом из сельской местности. Если присоединить к ним выходцев из малых городов, то получится еще более внушительная цифра — 86,3%. Только 13,7% представителей группы вышли из крупных городов» (Фарукшин, 1994: 70). Исследователь указывал, что данные лица, составляющие значительную часть правящей элиты Татарстана, приносят во властеотношения специфическую деревенскую культуру, которая «включает в себя традиционные нормы

чинопочитания, внутреннего неприятия оппозиции и инакомыслия, благоволения выходцам из собственной среды, еще больше — землякам, подозрительности к «чужакам», особенно из городских и образованных слоев, представление о собственной непогрешимости, самолюбование и т. д. По сути эта культура имеет антидемократическую окраску» (там же: 70). Безусловно, мнение ученого несколько категорично, но определенная доля истины в нем есть, например, в части поддержки выходцев из собственной среды и своих земляков.

Исходя из вышеизложенного, подчеркнем, что индикатор социального происхождения интересен не только, как позволяющий дать более полную характеристику изучаемому субъекту или группе, но и тем, какое влияние он оказывает на дальнейшее развитие, ориентации, поведение, поступки людей и насколько он важен в той или иной сфере. Анализ литературы и материалы собственного исследования позволяют нам утверждать, что общность социальных и территориальных «корней» неизменно значима в сфере политики и оказывает существенное влияние на людей. На данный факт указывали многие отечественные и зарубежные авторы.

Например, можно остановиться на работе американского политолога Ч. Р. Миллса (1916–1962) «Властвующая элита» (Миллс, 1959). В данной книге он представил результаты институционального анализа американской элиты середины XX в. По его мнению, в обществе существуют три важнейших института: государство, корпорация, армия, которые «...образуют собой орудия власти» (там же: 26). Во всех институтах осуществляется авторитарное иерархическое правление. Согласно концепции Ч. Миллса, в США господствуют три группы элиты: политическая, экономическая, военная, которые и возглавляют три важнейших института. Представители данных групп обладают огромной властью, которая становится все более бесконтрольной и безответственной, их решения преследуют, как правило, аморальные цели. Так как интересы и действия трех элитных групп существенно переплетаются, это приводит к их сплочению в единую властвующую элиту, состоящую из представителей высшего руководства политических, корпоративных и военных структур, образующих замкнутую социальную группу.

Ч. Миллс пишет: «властвующая элита состоит из людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупнейшие последствия» (там же: 24). Это обусловлено тем, считает он, что они руководят важнейшими институтами и организациями в иерархии современного общества, занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность, которыми они пользуются. Далее он уточняет: «под элитой власти мы понимаем те политические, экономические и военные круги, которые в сложном переплетении группировок разделяют право принятия решений, по меньшей мере, об-

щенациональной выраженности. В той мере, в которой национальные события становятся объектом принятия решений, элита власти представляет собой ту совокупность моделей, которая их принимает» (там же: 25). Ч. Миллс указывает, что лица, составляющие данную элиту, имеют сходные социальное происхождение, опыт, личные черты, самосознание и др. Они посещают одинаковые образовательные, досуговые и иные учреждения, что способствует их личному знакомству. Вследствие этого они свободно меняют свои позиции, перемещаясь из одних институтов в другие. Тем самым политолог убежден, что власть в Америке концентрируется в руках единой властвующей элиты, имеющей, в том числе и сходное социальное происхождение, что свидетельствует о недемократичности политической системы.

Общность социального происхождения является чертой не только американской, но и российской элиты. На наш взгляд, это связано с тем, что данный индикатор негласно учитывается при пополнении ее состава, что свидетельствует о применении неформальных механизмов рекрутирования политической элиты.

Неформальные механизмы

Следует отметить, что учет неформальных связей, в числе которых помимо общности социального происхождения, можно назвать патрон-клиентарные отношения, опыт совместной деятельности с первыми лицами, личная преданность, родственные / земляческие / этнические связи, близость статусных характеристик или идеологических убеждений, фаворитизм, протекционизм и другие не является приметой сегодняшнего дня, он, безусловно, практиковался и ранее.

При рекрутировании советской номенклатуры главными критериями отбора, как отмечает Н. В. Работяжев, были личная преданность руководству и политическая лояльность, а до середины 1930-х годов также учитывалось и социальное происхождение. И. В. Сталин на пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 г. говорил: «Что значит правильно подбирать работников и правильно расставлять их на работе? <...> Это значит подбирать работников, во-первых, по политическому признаку, то есть заслуживают ли они политического доверия, и, во-вторых, по деловому признаку, то есть пригодны ли они для такой-то конкретной работы» (цит. по: Работяжев, 2001: 26).

Свои критерии отбора были и у последующих руководителей страны. Для Н. С. Хрущева особое значение имели идейная закалка и повышение деловой квалификации. Л. И. Брежнев считал, что руководитель должен органически сочетать в себе дисциплинированность с инициативой и творческим подходом к делу, партийность с глубокой компетентностью. М. С. Горбачев высоко ценил политические и деловые качества, реальные достижения работника, его отношение к людям. Однако, несмотря на сформулированные критерии отбора, доминировали все же неформальные механизмы рекрутирования руководящего

звена. Еще в 1937 г. И. В. Сталин на пленуме ЦК ВКП(б) констатировал, что в реальности «подбирают чаще всего так называемых знакомых, приятелей, земляков, лично преданных людей, мастеров по восхвалению своих шефов — безотносительно к их политической и деловой пригодности» (там же: 26).

Для современной системы подбора кадров в органы власти и процесса продвижения по карьерной лестнице, по-прежнему, характерно применение неформальных механизмов, где решающую роль играют социальное происхождение, родство, территориальная общность, отношения личной преданности и покровительства и другие факторы. Успех сегодня во многом обеспечивается принадлежностью к команде, работающей на влиятельного лидера, обретением покровителя, то есть вступлением в патрон-клиентарные отношения. Это предопределяет клановый принцип формирования элиты, для которого характерны отношения личной преданности, корпоративная ориентация, закрытость. Внутри данной социальной группы, как правило, доминирует клановый характер взаимоотношений: стремление обособиться, негативные ожидания от рекрутирования новых лиц, которые рассматриваются, прежде всего, как конкуренты в борьбе за влияние на патрона и лишь затем только как возможные партнеры по политической деятельности и т. п.

Формирование элитных кланов в российских регионах в значительной степени определено доминирующими моделями политической культуры. Однако независимо от оснований консолидации, обязательное условие групповой сплоченности — личная лояльность главе клана. В «русских» областях внутригрупповая консолидация идет, как правило, на основе общности социального происхождения, опыта совместной деятельности, статусных особенностей, родственных отношений, идеологических признаков. В национальных республиках к перечисленным факторам часто добавляются земляческие, этнические связи. В этом отношении большой интерес представляет работа Ч. К. Ламажаа, в которой на примере Республики Тыва раскрываются различные аспекты клановости в политике (Ламажаа, 2010).

Неформальные механизмы применяются и в изучаемых нами регионах. При проведении анкетного опроса в 2009–2010 гг. представителям политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва было предложено определить степень влияния различных факторов на продвижение по службе. Выяснилось, что на данный процесс влияют фактически все предложенные в анкете факторы, с небольшими региональными особенностями. Например, респонденты Республики Бурятия в большей степени выделили следующие: «исполнительность» — 89,2%, «интеллектуальная самостоятельность» — 88,2%, «учеба, повышение квалификации» — 84,3%, «опыт совместной работы с первыми лицами региона» — 81,4%, «личная преданность» — 76%, «покровительство» — 72,6%, «родственные или земляческие связи» — 69,6% (см. таб. 5).

Таблица 5. Факторы, влияющие на продвижение по службе в оценке представителей политических элит, Республика Бурятия, %

Table 5. Factors influencing career promotion as assessed by political elites of the Republic of Buryatia, %

Место рождения	Практически не влияют			Влияют			Сильно влияют			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			пр.не влияют	влияют	сильно влияют
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
исполнительность	-	17,8	15,4	58,6	64,4	71,8	41,4	17,8	12,8	10,8	65,2	24
интеллектуальная самостоятельность	20	17,9	-	45,7	60,7	84,6	34,3	21,4	15,4	11,8	64,7	23,5
учеба, повышение квалификации	17,1	14,3	15,4	48,6	67,9	69,2	34,3	17,8	15,4	15,7	61,8	22,5
личная преданность	35,7	17,8	18	47,2	64,4	69,2	17,1	17,8	12,8	24	60,3	15,7

покровительство	45,7	17,9	17,9	35,7	57,1	64,2	18,6	25	17,9	27,4	52,5	20,1
опыт совместной работы с первыми лицами региона	25,7	17,8	12,8	47,2	64,4	44,9	27,1	17,8	42,3	18,6	51	30,4
родственные или земляческие связи	27,2	17,9	42,3	55,7	60,7	44,9	17,1	21,4	12,8	30,4	52,9	16,7
идеологические убеждения	62,9	67,9	62,8	37,1	32,1	37,2	-	-	-	64,2	35,8	-
поддержка экономических структур	60	46,4	15,4	40	53,6	71,8	-	-	12,8	39,2	55,9	4,9

Заметим, что похожие мнения высказывались и ранее. Так, результаты проведенного В. Г. Жалсановой в 1999 г. опроса политической элиты Республики Бурятия показали, что на продвижение по службе влияют: профессионализм, квалификация — 96,3%; исполнительность и деловитость — 93,5%; личная пре-

данность начальству — 92,8%; семейно-родственные связи — 89,1%; национальность — 81,9%; поддержка богатых людей — 78,4%; богатство, деньги — 77,5%; самостоятельность и независимость — 72%; идеологические убеждения — 52,2% (Жалсанова, 2003: 95). 63,0% респондентов отметили, что при назначении на руководящие и престижные должности используются родственные и земляческие связи, а 47,7% указывали на национальный признак (там же: 86). По мнению В. Г. Жалсановой, это обусловлено тем, что «большинство представителей политической элиты являются выходцами из села, которым свойственно стремление к сохранению земляческих связей <...> Начальник всегда стремится (пусть даже и не вполне осознанно) укомплектовать штат из лиц своей национальности, порой и в ущерб представителям другой национальности. Это можно объяснить тем, что человек чувствует себя более комфортно в среде своих соплеменников» (там же: 86). Тем самым за последние годы ситуация в Бурятии мало изменилась.

На это указывают и полученные нами в 2009–2010 гг. материалы экспертных интервью. Республиканские эксперты, принявшие участие в интервьюировании, в целом, подтвердили полученные нами результаты. Отвечая на вопрос: «Какие механизмы рекрутирования политической элиты преобладают в республике?», они пояснили, что часто в данном процессе учитывается опыт предшествующей совместной профессиональной деятельности с влиятельными в регионе фигурами. Большую роль при этом играют такие факторы, как личная преданность патрону, а также эффективные связи в органах власти и бизнес-структурах. При назначении руководителей среднего звена зачастую решающее значение имеют земляческие связи, кровное родство, национальность, финансовые средства и общность социального происхождения.

Заметим, что близкие данные были получены Е. В. Петровой по результатам социологического исследования (опрос экспертов, фокус-группы), проведенного в 2009 г. в республиках Бурятия и Тыва. Все участники отметили определяющее значение неформальных практик в Бурятии: «У нас такой регион, где большое значение имеют связи, знакомства, без этого никуда, успешным не станешь без них», «Если нет протезе, родственников и знакомых, то ничего не получится...» (Петрова, 2010: 140). Отмечалось и влияние этнического фактора, но только русскими экспертами, которые придерживались мнения, что у лиц бурятской национальности больше шансов получить высокую должность в органах государственной власти.

В Республике Саха (Якутия) в числе факторов более всего влияющих на продвижение по службе респондентами были названы: «опыт совместной работы с первыми лицами региона» — 90,7%, «покровительство» — 89,7%, «личная преданность» — 87,6%, «родственные и земляческие связи» — 87,1%, «интеллектуальная самостоятельность» — 79,4% (см. таб. 6).

Таблица 6. Факторы, влияющие на продвижение по службе, Республика Саха (Якутия), в %
Table 6. Factors contributing to career promotion, Republic of Sakha (Yakutia), %

Варианты	Практически не влияют			Влияют			Сильно влияют			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			пр. не влияют	влияют	СИЛЬНО ВЛИЯЮТ
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
исполнительность	25	20,6	50	58,3	67,6	50	16,7	11,8	-	30,4	59,3	10,3
интеллектуальная самостоятельность	27,8	29,4	-	55,5	53	92,6	16,7	17,6	7,4	20,6	65	14,4
учеба, повышение квалификации	25	26,5	46,3	75	52,9	53,7	-	20,6	-	31,4	61,4	7,2
личная преданность	13,9	20,6	-	61,1	51,5	55,6	25	27,9	44,4	12,4	56,2	31,4

покровительство	-	29,4	-	72,2	41,2	50	27,8	29,4	50	10,3	55,2	34,5
опыт совместной работы с первыми лицами региона	13,9	11,8	-	58,3	55,9	9,2	27,8	32,3	90,8	9,3	43,8	46,9
родственные или земляческие связи	16,7	19,1	-	58,3	55,9	24,1	25	25	75,9	12,9	48	39,1
идеологические убеждения	26,4	32,3	53,7	56,9	51,5	46,3	16,7	16,2	-	36,1	52,1	11,8
поддержка экономических структур	15,3	38,2	48,1	61,1	41,2	-	23,6	20,6	51,9	32,5	37,1	30,4

Эксперты Саха (Якутии), принявшие участие в нашем интервьюировании, также отмечали наличие неформальных механизмов рекрутирования республиканской политической элиты: клановость, связи, родство, учет совместного

опыта работы в прошлом и др. Они указывали, что система рекрутирования в регионе закрытая, наблюдается сильное местничество и попасть со стороны в состав органов власти и политической элиты практически невозможно. Профессионализм и квалификация человека почти не играют роли в процессе рекрутирования.

Заметим, что республиканские исследователи и ранее обращали внимание на то, что в Республике Саха (Якутия) действуют неформально-личностные критерии рекрутирования кадров: происхождение человека, личные знакомства по прежнему месту работы, совместное обучение в вузе, рекомендации сослуживцев, принадлежность к «команде» и др. (Тарасов, 1996: 22). А. Б. Местникова пишет, что в Якутии из-за небольшой численности и плотности населения большое внимание уделяется личному кругу знакомств, связям, происхождению человека, т. е. зачастую эти факторы оказывают решающее влияние при приеме на работу и продвижении. Вопрос о происхождении — это первый вопрос, который задают при знакомстве с незнакомым человеком и по ответу на который можно получить достаточно исчерпывающую информацию. Культурные различия и характерные черты, свойственные выходцам из различных улусов, за многие годы выработались в своеобразные стереотипы восприятия. Выходцы из вилюйской группы улусов, например, считаются более активными в достижении намеченных целей, также им приписывается большая степень приверженности к клановости и взаимоподдержке. Внутри вилюйской группы улусов есть подразделение на сунтарских, нюрбинских, верхневиллюйских и вилюйских якутов, причем каждой подгруппе приписываются отдельные стереотипы характера (Местникова, 2005: 69).

Неформальные связи, властные ресурсы часто используются при выдвижении кандидатов на пост главы улуса, депутатов улусного собрания, депутатов Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС (Я), при проведении выборных кампаний. Несмотря на негативный характер данных факторов, они, как утверждает А. Л. Попов, в свое время сыграли и положительную роль. По его мнению, формирование местных элит по принципу личных неформальных связей позволило избежать, прежде всего, внутриэлитных конфликтов между губернатором и мэрами крупных городов, руководителями органов местного самоуправления. По сути, на основе неформальных институтов в Якутии была выстроена «властная вертикаль». Существование неформальных институтов (родственных, клановых отношений) компенсировало отсутствие дееспособных формальных институтов и заполнило сложившийся институциональный вакуум после краха прежних институтов советского типа. В определенном смысле это позволило избежать кризиса управляемости в республике на протяжении 90-х гг. Однако уже в конце 90-х гг. — начале первого десятилетия XXI века эти институты превратились в тормоз политического развития (Попов, 2004: 119).

В Республике Тыва выявились следующие, наиболее значимые при продвижении по службе факторы: «исполнительность» — 88,8%, «интеллектуальная самостоятельность» — 82%, «родственные и земляческие связи» — 79,8%, «покровительство» — 78,1%, «учеба, повышение квалификации» — 77,5% (см. таб. 7).

Таблица 7. Факторы, влияющие на продвижение по службе, Республика Тыва, в %

Table 7. Factors contributing to career promotion, Republic of Tuva, %

Варианты	Практически не влияют			Влияют			Сильно влияют			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			пр. не влияют	ВЛИЯЮТ	СИЛЬНО ВЛИЯЮТ
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
исполнительность	20,8	12,5	-	39,6	73,4	92,9	39,6	14,1	7,1	11,2	68,6	20,2
интеллектуальная самостоятельность	36,2	17,2	-	63,8	67,2	91,1	-	15,6	8,9	18	73,6	8,4
учеба, повышение квалификации	50	17,2	-	50	67,2	60,7	-	15,6	39,3	22,5	59,5	18
личная преданность	-	14,1	87,5	50	45,3	-	50	40,6	12,5	32,6	32,6	34,8

опыт совместной работы с первыми лицами региона	20,8	12,5	67,9	39,6	87,5	32,1	39,6	-	-	32,6	54,5	12,9
родственные или земляческие связи	24,1	-	39,3	24,1	67,2	60,7	51,8	32,8	-	20,2	51,1	28,7
идеологические убеждения	44,8	62,5	62,5	55,2	21,9	37,5	-	15,6	-	56,8	37,6	5,6
поддержка экономических структур	48,2	28,1	42,9	25,9	46,9	57,1	25,9	25	-	39,3	43,3	17,4

Республиканские эксперты в числе неформальных механизмов, практикующихся в Туве при рекрутировании политической элиты, назвали: клановость, родственные связи, давние знакомства, деловое партнерство, личную преданность, протекции и др. Помимо перечисленного необходимо назвать и этнический фактор, влияние которого было зафиксировано в вышеупомянутом исследовании Е. В. Петровой в 2009 г. (Петрова, 2010). Практически все русские эксперты, принявшие участие в анкетировании, были уверены, что национальность влияет на получение высокой должности в органах государственной власти Республики Тыва — у тувинцев в этом отношении гораздо больше шансов. Представители русской интеллигенции в возрасте от 26–45 лет сообщали, что «на работу с высо-

кооплачиваемой должностью устроиться почти невозможно», а «опыт и знания никому не нужны» (там же: 138). Большинство экспертов-тувинцев утверждали обратное. Однако заметим, что тувинская интеллигенция 26–45 лет все же допустила подобное влияние: «... и в Российской Федерации, и в республике обратительная кадровая политика. Если в республике работает менеджмент тувинский, то он отбор кадров ведет по родо-племенному принципу, клановой принадлежности» (там же: 139). Данная ситуация, как известно, характерна для многих российских регионов.

Итак, мы можем констатировать существенное влияние неформальных механизмов, в том числе и социально-территориальной общности, на кадровые вопросы в органах власти России и входящих в ее состав полиэтнических регионах.

Заключение

Таким образом, вопросам социального происхождения людей в современном российском обществе формально уделяется все меньше внимания, что, безусловно, связано со сменой идеологических приоритетов в стране. Однако данный фактор по прежнему оказывает существенное влияние на различные аспекты жизнедеятельности человека и играет весомую роль в отдельных социальных сферах. В первую очередь, это касается сферы политики, являющейся областью деятельности политических элит.

Как мы выяснили, для существующей системы подбора кадров в органы власти и процесса продвижения по карьерной лестнице характерно широкое применение неформальных механизмов, в числе которых одним из главных неизменно остается общность социального происхождения и места рождения людей. Данный момент характерен для всей территории России, в том числе и для республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. Отбор в российские органы власти и продвижение в них зачастую осуществляется неформально и, как мы уверены, будет и далее осуществляться именно по перечисленным критериям. Поэтому их систематическое изучение, в том числе и определение социальных «корней» политической элиты, представляется необходимым.

К сожалению, такие профессиональные характеристики личности как квалификация, интеллектуальная самостоятельность, исполнительность, опыт работы и другие сейчас не играют большой роли. Однако именно они должны быть решающими при рекрутировании и продвижении лиц в российских органах власти, так как от этого зависит создание компетентной и профессиональной политической элиты способной эффективно выполнять стоящие перед ней государственные задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жалсанова, В. Г. (2003) Политическая элита Бурятии на современном этапе. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН. 114 с.

Крыштановская, О. В. (1995) Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 51–65.

Ламажаа, Ч. К. (2010) Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб.: Алетейя. 208 с.

Лэйн, Д. (1996) Перемены в России: роль политической элиты // *Социологические исследования*. № 4. С. 30–40.

Местникова, А. Б. (2005) Этнокультурные аспекты предпринимательства и занятости населения в Республике Саха (Якутия) // *Экономическая социология*. Т. 6. № 3. С. 49–69.

Миллс, Ч. (1959) Властвующая элита / пер. с англ. М.: Иностранная литература. 543 с.

Очирова, В. М. (2013) Политические элиты полиэтнических регионов в условиях трансформации российского общества. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета. 512 с.

Очирова, В. М., Крянев, Б. П. (2009) Эволюция региональных политических элит в постсоветский период (на материалах Республики Бурятия). Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета. 140 с.

Очирова, В. М., Крянев, Б. П., Ларионов, В. Г. (2009) Формирование избирательной системы и политической элиты в Бурятии. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета. 156 с.

Петрова, Е. В. (2010) Особенности этносоциальной стратификации в республиках Сибири // *Вестник Бурятского государственного университета*. Сер.: Философия, социология, политология, культурология. Вып. 14а. С. 134–140.

Попов, А. Л. (2004) Правящая элита как субъект регионального политического процесса (на примере Республики Саха (Якутия) : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. СПб. 175 с.

Работяжев, Н. В. (2001) Механизмы рекрутирования и воспроизводства политической элиты в посткоммунистической России // *Проблемы политической трансформации и модернизации России / под ред. А. Ю. Мельвиля*. М.: МОНФ. 218 с. С. 18–47.

Тарасов, Ю. С. (1996) Политическая элита Республики Саха (Якутия): социальные механизмы формирования: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М. 23 с.

Фарукшин, М. Х. (1994) Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Политические исследования. № 6. С. 67–79.

Дата поступления: 20.04.2016 г.

REFERENCES

Zhalsanova, V. G. (2003) *Politicheskaiia elita Buriatii na sovremennom etape*. Ulan-Ude, Izdatel'stvo BNTs SO RAN. 114 p. (In Russ.).

Kryshtanovskaia, O. V. (1995) Transformatsiia staroi nomenklatury v novuiu rossiiskuiu elitu. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 51–65. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2010) *Klanovost' v politike regionov Rossii. Tuvinskie praviteli*. St. Petersburg, Aleteiia. 208 p. (In Russ.).

Lane, D. (1996) Peremeny v Rossii: rol' politicheskoi elity. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 30–40. (In Russ.).

Mestnikova, A. B. (2005) Etnokul'turnye aspekty predprinimatel'stva i zaniatosti naseleniia v Respublike Sakha (Iakutiia). *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, vol. 6, no. 3, pp. 49–69. (In Russ.).

Mills, Ch. (1959) *Vlastvuiushchaia elita*. Moscow, Inostrannaia literatura. 543 p. (In Russ.).

Ochirova, V. M. (2013) *Politicheskie elity polietnicheskikh regionov v usloviakh transformatsii rossiiskogo obshchestva*. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buriatskogo gosuniversiteta. 512 p. (In Russ.).

Ochirova, V. M. and Krianev, B. P. (2009) *Evoliutsiia regional'nykh politicheskikh elit v postsovetskii period (na materialakh Respubliki Buriatii)*. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buriatskogo gosuniversiteta. 140 p. (In Russ.).

Ochirova, V. M., Krianev, B. P. and Larionov, V. G. (2009) *Formirovanie izbiratel'noi sistemy politicheskoi elity v Buriatii*. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buriatskogo gosuniversiteta. 156 p. (In Russ.).

Petrova, E. V. (2010) Osobennosti etnosotsial'noi stratifikatsii v respublikakh Sibiri. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Serya: Filosofii, sotsiologiia, politologiia, kul'turologiia*, vol. 14a, pp. 134–140. (In Russ.).

Popov, A. L. (2004) *Praviashchaia elita kak sub»ekt regional'nogo politicheskogo protsessa (na primere Respubliki Sakha (Iakutiia))* : dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk. St. Petersburg. 175 p. (In Russ.).

Rabotiazhev, N. V. (2001) Mekhanizmy rekrutirovaniia i vosпроизводства politicheskoi elity v postkommunisticheskoi Rossii. In: *Problemy politicheskoi transformatsii i modernizatsii Rossii*, ed. A. Iu. Mel'vil'. Moscow, MONF. 218 p. Pp. 18–47. (In Russ.).

Tarasov, Yu. S. (1996) *Politicheskaia elita Respubliki Sakha (Iakutiia): sotsial'nye mekhanizmy formirovaniia*: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk. Moscow. 23 p. (In Russ.).

Farukshin, M. Kh. (1994) *Politicheskaia elita v Tatarstane: vyzovy vremeni i trudnosti adaptatsii*. *Politicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 67–79. (In Russ.).

Submission date: 20.04.2016.

Библиографическое описание статьи:

Очирова В. М. Социальное происхождение как механизм формирования политических элит полиэтнических регионов России (на примере Бурятии, Саха (Якутии) и Тувы) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/99> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Ochirova V. M. Social background as a tool in shaping the political elite in Russia's multi-ethnic regions: the cases of Buryatia, Sakha (Yakutia) and Tuva. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/99> (accessed: ...).